

Ю.М. Лужков
«О Любви»
15 сентября 2006 г.

– Ты ведь знал Курбана?

– А то!

Вопрос прозвучал тем более неожиданно, что речь у нас шла о любви. Мой друг, грузинский журналист, только что вернулся с научного конгресса, где сделал фантастическое открытие.

– Чем глубже современные физики вникают в происхождение Вселенной, тем больше подтверждают гипотезу Аристотеля: «Мир создан любовью». Когда слышишь, как они говорят о муках рождения материи, невольно вспоминаешь финал «Божественной комедии» Данте: «Любовь, что движет солнце и светила». Можно не верить в Бога, но в любовь-то не верить нельзя!

Слушать все это было невероятно приятно. Мы сидели на пасеке, пили чай. Был дивный воскресный день. Пчелы, обалдев от запахов разнотравья, жужжали по-праздничному. В такие минуты беседа течет сама по себе, оставляя каждому из собеседников пространство для внутреннего монолога.

– Знаешь, – продолжал друг, – с научной точки зрения любовь – это вещь абсолютно загадочная. Страсть – дело другое, там инстинкты, эмоции. А вот любовь, особенно жертвенная, не имеет оснований в природе. Она приходит словно из другого измерения. Мы помним яркие образы юных влюбленных, Тристан и Изольда, Ромео и Джульетта, Меджнун и Лейла. Но любовь зрелая, не увядающая в мелких заботах повседневности, – тайна, не постижимая даже искусством. «Жили долго и счастливо и умерли в один день» – вот и все, что можно прочесть о такой любви. Так ты знал Курбана?

Курбан был банщиком (точнее, терщиком) в одной из тех знаменитых серных бань, которым город Тбилиси, если верить преданию, обязан своим названием. Легенда гласит: охотился как-то в этих местах великий царь Вахтанг Горгасал. Подстрелил фазана. Все шло как обычно, пока любимая гончая не принесла

пронзенную царской стрелой дичь. Тут государь понял, что видит чудо. Фазан был сварен. Не так, конечно, как делал придворный повар, но для божественного знамения вполне прилично. Мы с вами сказали бы: да где ж тут чудо, упал фазан в горячий источник – подумаешь, делов-то. Однако в те годы люди были весьма впечатлительны, цари в особенности. Чуть что, усматривали промысел Божий. А потому, восхвалив Господа, государь объявил место святым и назвал его «Теплым». Что по-грузински, как вы уже догадались, звучит... Правильно: «Тбилиси»...

Легенда эта удивительна тем, что никакие стратегические соображения – ни гора, ни Кура, ни скрещение торговых путей не повлияли, если верить грузинам, на выбор места для столицы. И это лучше всего характеризует то состояние, в которое приходит человек после посещения серной бани. Действительно, других аргументов не требуется. Скажу больше: если хотите узнать, что потерял род

человеческий, когда Адама лишили райской прописки, поезжайте в Тбилиси, сходите туда. И вы согласитесь: это нечто неземное. Во всяком случае, так думал я, впервые (тогда еще молодым человеком) отправившись на последние деньги в серные бани и там побывав в беспощадных и заботливых руках Курбана. Описать впечатление нет никакой возможности. Как, впрочем, и самого мастера.

Он был достопримечательностью старого города – обмотанный белой простыней, как римский сенатор тогой, в сандалиях на босу ногу. Похоже, никто не видел его одетым. Еще поговаривали, что он тер спину чуть ли не самому Пушкину, что в каком-то отношении правда, ибо традиция тбилисских терщиков передается, не прерываясь, от мастера к ученику.

Курбан был гением в том смысле, что сочетал в своих достижениях грубость и нежность, скрепляя этот контраст особой любовью к человеческому телу. Научить жестом фокусника делать и воздуха огромное облако мыльной пены можно кого угодно. Проводить коленом по позвоночнику, соразмеряя доставляемую боль с удовольствием, тоже. Но суметь так отнестись к мужскому телу, чтобы оно оставило за порогом бани все мрачные мысли, невроты, утомленность, – это дело таланта. Руки его были очень сильными и заботливо чувствительными. Впрочем, он пользовался и ногами, залезая клиенту на спину и работая всеми четырьмя конечностями над хребтом и прочими косточками. Люди выходили от него преображенными.

Как все такого рода профессионалы, он оказался еще и психологом. Не знаю уж, каким образом догадался, что перед ним «голь перекатная» (а проще говоря, молодой специалист в первой командировке), то только, закончив сеанс, неповторимым жестом протянул мне обратно деньги, произнеся одно слово: «Пешкеш!»

– Это чисто грузинский жест. Самое интересное, что точно так же он поступал с богачами. Однажды к нему привели американского миллиардера Нельсона Рокфеллера, приехавшего вместе с сенатором Эдвардом Кеннеди на очередную Дартмутскую встречу. Хозяева потащили гостей в серные бани и, естественно, работу поручили Курбану. А чтобы тот проникся ответственностью поручения, стали объяснять, кто есть кто. Банщик выслушал, но отреагировал скупом: «Кацо,

когда люди голые, они все равны», и ничего «сверх программы» своим заморским клиентам не предложил. Однако американцы были в восторге, уходя протянули долларовые купюры. Курбан внимательно рассмотрел незнакомую в те годы валюту, потом гордым жестом протянул обратно,

сказав, как и тебе: «Пешкеш!» Что означает: «Ты мне даешь, но я возвращаю тебе как подарок». Переводчики долго объясняли американцам значение этого чисто грузинского понятия.

Можно много рассказывать про Курбана, но, полагаю, читателю уже ясно, что если искать человека, менее подходящего на роль Ромео, то это будет трудно. Так думали все. Ближайшие друзья и соседи, знавшие его всю жизнь, не могли предположить, что в этом простаке таилась глубоко любящая душа – настолько потаенно от чужих глаз жила истинная любовь. Своих чувств к жене он никогда не выказывал. Никто не сопрягал с Курбаном что-либо более высокое, чем баня и предбанник. И лишь в последнюю очередь можно было ожидать от этого человека того поступка, о котором сейчас расскажу.

Когда жена умерла, Курбан собрал все, что мог, на все имеющиеся деньги справил келехи – поминки, которые произвели впечатление даже в Тбилиси. А на

следующее утро облачился во все новое и чистое, вышел на Метехский мост и бросился вниз головой в Куру.

Сказано в Библии: «Ибо сильна, как смерть, любовь». Особенно та, что проходит через всю жизнь, не теряя масштаба в мелочах быта. Такая любовь живет потаенно, ее не воспевают ни западные менестрели, ни восточные ашуги. Она мало похожа на то, что связывается с образами героев-любовников. Но это самое глубокое, что бывает между людьми.

□ □ □

Я слушал своего друга и думал о том, до чего, черт возьми, обожаю грузин. Язык международной дипломатии не знает такого термина, как любовь. Максимум, дозволенный дипломатическим лексиконом, – это дружба. В редких случаях «братская», иногда «неразлучная» или дружба «навек» между народами. Однако бывают случаи, бывают связи, которые иначе как любовь не назовешь.

Сейчас даже трудно вспомнить, как мы все (россияне в особенности) готовы были восхищаться грузинами. Как восторгались кавказским застольем, мужским пением, бытовым жестом. Как восхищались фильмами, театром, художниками. Никогда не было идеи, что «наше лучше». Ничто не навязывалось. Все время готовы были воздать им должное.

Заочное ощущение Грузии было соткано из настроений и интонаций: убери их, и все исчезнет. С ней были связаны праздник, открытость и доброжелательность, что-то солнечное и веселое. Не возникало не только

ревнивости, но и обыденности. Стоило кому-то сказать «грузины приедут» – накатывало ощущение тепла, света, радости, вкусноты и щедрости. Все становилось лучше.

Повторяю, это эмоции. Но из этих эмоций и состоят отношения. Если мы прервем их, не передадим по наследству, это будет зияние невосполнимое. С детских лет жизнь была окутана грузинским ароматом. Сколько себя помню, всегда грузин в бурке скакал по папиросной коробке «Казбек» (память ушедшего на фронт отца): вечно глядел грустный Демон на танцующую царицу Тамару (репродукция на кухне); витязь в тигровой шкуре неустанно сжимал зверя в поднятых руках (в местной забегаловке). Все эти образы были знакомы до черточки. Им вторили стихи: Грузия была зарифмована в поэзии Пушкина, Лермонтова, Есенина, в переводах Пастернака. Маяковский, объясняла учительница Нина Николаевна, родился там и воплотил в необычных ритмах поэтический строй горных высот, рек и ущелий волшебной земли.

Все это было впитано русской культурой и встречалось на каждом шагу. Сочетание славянской широты и грузинской стати обогащало обоих. Мы ничего не навязывали Грузии. Наоборот, тут в полной мере проявлялась та самая «всемирная отзывчивость», о которой говорил Достоевский.

Взгляд, которым мы смотрели на грузин, включал в себя систему норм поистине идеальных. Грузинская статья, честь, рыцарство, пренебрежение к подачкам – все это действительно сохранялось в национальной ментальности. Но я хочу сказать,

что Россия никогда на это не посягала, а наоборот, всегда поддерживала. Нас отличало умение видеть в грузинах образцы рыцарства и чести, и этот взгляд выпрямлял их. Они гордо несли свою осанку под воздействием русского взгляда.

И вот сегодня мне рассказывают, что мы, оказывается, были завоевателями. Что в Грузии создают чуть ли не музей российской оккупации, а в Тбилиси появился проспект имени героя-освободителя Буша...

Еще несколько лет, и молодое поколение грузин перестанет говорить на русском языке. В свое время те, кто направлялся в Россию и возвращался, обогащенные русской культурой, называли себя «тергдалеулеби», то есть «испившие Терека». (Тогда путь в Россию лежал через Терек.) Где сейчас эти испившие Терека грузины?

Грузия выбрасывает русский язык, мы выбрасываем вино и боржоми. Все это было бы смешно, когда бы не было ужасно. Мне рассказывают, что в некоторых тамошних интеллигентских семьях родители тайно нанимают учителей русского языка, чтобы дети не задохнулись в вареде русофобского патриотизма. Эта картина чем-то напоминает фантастический роман «451° по Френгейту», где в стране запретившей книги, гуманисты заучивали их наизусть, чтобы передать внукам.

Уже сейчас вырастают поколения, которые забудут нашу обоюдную открытость, готовность воспринимать, впитывать и восхищаться. Уже теперь трудно объяснить молодым людям, что для нас значило грузинское застолье. Поколения нынешние, соблазненные «Макдоналдсами», забудут это. Столько веков связи не прерывались, и вдруг... Это, пожалуй, одна из самых тяжелых ран, которую нанесла Грузии политика ее нынешних руководителей. Если ненависть перейдет в народ, процесс может стать необратимым. Причем для обеих сторон.

Человек, привыкший видеть в грузинах не представителей гордых горцев, а «лица кавказской национальности», уже не поймет, о чем я пишу.

Да и грузины, уверен, другого такого влюбленного не найдут, потому что для этого нужны века истории и особое сочетание звезд. Неужели они надеются, что американцы к ним будут так относиться? Да никогда в жизни!

Американская система может стоять только на американской ментальности. Она предельно рациональна и в качестве рациональной – жестка. Просветительские постулаты, на которых она построена, не предполагают множественности вариантов. Чужой образ жизни кажется не иным, а более низким. Существует лишь одна система, лучшая из возможных; все остальные допускаются только под флагом политкорректности, а вовсе не равнозначности и тем более достоинства.

У русских никогда этого не было. Российские присоединения никогда не означали переформатирования национальных способов жить. Никого не обращали. Специфика российского мировосприятия – в самой культурной пластичности. Именно поэтому американцы не займет наше место в грузинской культуре, как и в нашей никто не займет место грузин.

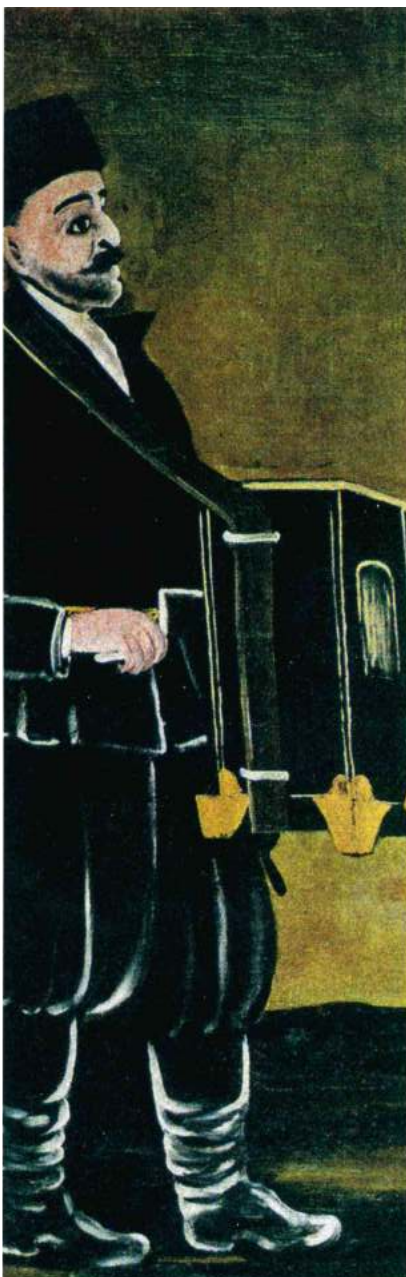
И то, что мы сейчас теряем, по своим последствиям несравнимо с вином или боржомом. Торговые убытки еще можно компенсировать. А вековую традицию, тип отношений, готовность любоваться друг другом – нет. Мы теряем не нефть, не

мандарины, даже не безопасность границ (об этом пусть заботятся политики и военные). Мы теряем то, что невозполнимо.

В сердце пустеет место, которое нечем занять. Если будет прервана связь, ни грузины, ни русские уже не будут прежними.

Люди спрашивают: ради чего все это? Ради сиюминутных выгод, заокеанских подачек и чужих геополитических задач? Ради этого прервать такую физическую традицию, зачеркнуть вековые устои – это можно себе представить?

□ □ □

Хочу подчеркнуть: я здесь вовсе не спорю с политическим курсом грузинских властей. Хотите помочь заокеанским спонсорам оградить Россию санитарным кордоном – как говорится, без комментариев, История нас рассудит. Но нельзя, исходя из этих сугубо политиканских, сомнительных целей, лишать грузинских мальчиков возможности читать Толстого в подлиннике.

Это вопрос политической грамотности – различать между глубинными процессами и сиюминутной необходимостью. Есть актуальный пласт времени: тут стратегии, тактики, выгоды. Тут живут политические обиды, фантомные боли и комплексы. Тут можешь устраивать политические войны, соединяться в какие-то коалиции, создавать натовский пояс вокруг российских границ, проводить нефтепровод в обход России. Э то вещи ужасные, но в историческом плане сиюминутные., политиканские и, извините меня, исправляемые. Торговая война – сегодня она есть, завтра нет.

Но связь между народами живет в другом масштабе и диапазоне, на ином уровне исторической иерархии. Политиканству там не место. Там – время истории. Там «дышат почва и судьба».

Можем сказать: ну и ладно. У нас есть своя нефть, обойдемся. Сегодня, в век глобализации, всем не до сантиментов. Нынче – как на всемирном футбольном чемпионате: мелькают народы, культуры, религии. Безлюбый мир не предполагает памяти поколений, патриархальной близости, соседской привязанности. Все заменяется чередой национальных контактов, калейдоскопом межгосударственных взаимодействий в глобальной перспективе.

Что отвечу? Не верю! Весь мировой политический опыт подсказывает, что мир не может регулироваться цинизмом, двойными стандартами да бомбежками неугодных. Аморализм как этический принцип не может претендовать на всеобщее признание. Народы еще не утратили нравственного чувства, да и вряд ли когда-нибудь потеряют его.

Глобализму, хотим мы этого или нет, должна соответствовать новая этика. Кто-то называет ее «абсолютной моралью», имея ввиду такую мораль, с нормами которого согласились бы все. Другие говорят о всемирной отзывчивости. В любом случае прагматизму «мировой закулисы» и «войне цивилизаций» нужна нравственная альтернатива – и это прекраснотушие, а необходимость. В прошлом веке стабильность мира держалась равновесием зла. В новом мире, который сейчас становится, народы просто вынуждены будут найти иные принципы взаимоотношений – не на противостоянии, ни на высасывании, ни на выбрасывании тех, кто вне стратегических интересов. Так можно было строить геополитику раньше. Теперь придется искать этический ответ на вызов глобализации.

Каким будет этот ответ, пока сказать трудно. Но уже сейчас ясно, что если не найдем способа внедрить такие этические постулаты, как любовь к иному (народу, цивилизации) в мироощущении политической элиты, мировой бойни не избежать.

В этой перспективе то, что было – а я убежден, что и есть, – между народами России и Грузии, это не прошлое, а скорее будущее: яркий пример межнациональных отношений, построенных не на выгоде, а на любви. Или «на выгоде любви», если уж формулировать новую этику в старых понятиях.

Мы смотрелись друг в друга любящим взглядом, не держа ни зла, ни обиды, и это нельзя сбросить в Лету ни с Метехского, ни с Москворецкого моста!

□ □ □

– Эх как тебя на пафос потянуло, – сказал друг, когда я поделился с ним такими мыслями. – Только не вздумай все это писать. Нынче такое читать не будут: теперь все пишут иронично, стебно, не всерьез. А кроме того, ведь и не было в наших русско-грузинских отношениях никакого пафоса. Вспомни-ка: это у государства был пафос насчет дружбы народов, а мы просто любили друг друга – грузины русских, русские грузин.

И я вспомнил. Вспомнил последний день той первой поездки в Тбилиси. Провели мы его с приятелем в аэропорту – два «молодых специалиста» в первой командировке. Уставшие, полные впечатлений, выполнившие труднейшее задание, но и погулявшие, поистратившиеся

вдрызг. На обратный билет наскребли еле-еле, прибыли в аэропорт без копейки в кармане. Впрочем, у моего напарника Иосифа все было рассчитано и расписано до секунды: зачем, рассуждал он, деньги, когда в самолете покормят, а там, в Москве, доберемся. Родной все-таки город, не пропадем как-нибудь.

Но человек, как говорится, предполагает, а жизнь, особенно в Грузии, – она порой так располагает, что и не знаешь, зачем тебе дана способность предполагать. Объявляют по радио: мол, воздушный лайнер задерживается. На два часа. Затем еще на два. Потом просят пассажиров не беспокоиться. Ну мы-то, положим, не беспокоимся, но организм-то все-таки молодой. Начинает, как говорится, подсасывать. Вначале под ложечкой, затем поднимается сухость до горла, потом спускается в ноги, после чего снова наверх, легкое головокружение. Короче, когда через сутки, отлежав все бока на жестких скамейках, мы снова услышали по радио предложение подождать, я припомнил уже весь набор ощущений, знакомых по голодному военному детству. До предобморочного, конечно, еще не дошло, но окружающее пространство периодически смазывалось и плыло, потом восстанавливалось, однако все реже.

И тут, среди этих голодных наплывов, словно виденье, невесть откуда материализовалась странная фигура. Вся в черном, худющая, чуть скрюченная, да еще с помелом в руке. Она напоминала какое-то фантастическое существо из книжной иллюстрации, но кого именно, так и не вспомнил.

– Ребята, – сказало видение трескучим голосом, – идем!

Не очень соображая, что происходит, мы, разумеется, поднялись со своих мест, поплелись за странной женщиной. Вышли из здания аэропорта, куда-то заковыляли, пока не оказались у крошечного строения, которое она стала отпирать каким-то ржавым ключом. Потом скрылась в глубине, пошуршала, побряхтела и наконец снова опредметилась, держа в руках две бутылки с боржомом и буханкой хлеба.

– Больше ничего нет, – пояснила она, сделав специфический грузинский жест для ясности.

С какой скоростью мы уплетали буханку, запивая водой, объяснять, полагаю, не надо. Жаль, не было представителей Книги Гиннеса: рекорд по поеданию буханок взяли бы точно. А женщина смотрела и улыбалась.

– А то убираюсь тут, – пояснила она, – смотрю: второй день не едите...

С тех пор прошло без малого пятьдесят лет. Но тот вечер, ту грузинку-уборщицу, тот вкус боржоми с хлебом отпечатался на всю жизнь, как одно из ярчайших переживаний. Даже не знаю, как его охарактеризовать: сказать, что ничего вкуснее никогда не ел? Это банально, да и дело не в том.

Где-то в Евангелие говорится: Бог больше ценит пожертвование не того, кто много имеет, а того, кто сам нуждается, делясь последним. И хотя мы не боги, но в этом отношении, думаю, точно созданы по образу и подобию. Потому что сколько уж я получал за жизнь ценнейших подарков, принимая и с радостью, и с признательностью, но такой горячей волны благодарности, истекающей прямо из сердца, как к той бедной грузинке, не испытывал, кажется, ни к кому. Так что и вправду: при чем тут пафос. Просто любовь.

